

ОДЯНО

Из фондов Российской национальной библиотеки

1914
№ 1.

„БѢСЫ“ И „НИКОЛАЙ СТАВРОГИНЪ“.

«БѢСЫ»—самое страшное, самое кошмарное произведеніе русской литературы. Написанное точно въ бреду, оно сбивчиво и запутанно, все соткано изъ противорѣчивыхъ чувствъ, изъ просвѣтленной любви и мелкой отвратительной злобы. Мѣстами поднимается до пророческаго вдохновенія, мѣстами падаетъ до грубаго шаржа, до возмутительной карикатуры.

Страстный и нетерпимый, Достоевскій всю современную ему передовую Россію видѣлъ, какъ темное стадо, не знающее куда оно идетъ, промѣнявшее Бога и высшіе запросы духа на чечевичную похлебку политической свободы и всяческихъ земныхъ благополучій. Все въ передовомъ движеніи было для него гнусно, мелко и пошло, все надо было разрушить и истребить до корня. При изображеніи представителей этого движенія, всѣхъ этихъ мелкихъ и крупныхъ «бѣсовъ» Достоевскій, словно задыхается отъ злобы и гнѣва, не знаетъ удерживать своей ненависти и презрѣнія. Онъ дѣлаетъ изъ нихъ или невѣроятныхъ, невозможныхъ злодѣевъ, какъ Петръ Верховенскій, или тупыхъ, сонныхъ и податливыхъ обывателей, загнипнотизированныхъ вожаками.

Только безумная злоба могла вложить въ уста Петра Верховенскаго изступленно-вдохновенныя, совершенно невѣроятныя слова:

«Мы пустимъ пьянство, сплетню, доносъ, мы пустимъ неслыханный развратъ!.. Мы всякаго генія потушимъ въ младенчествѣ. Все къ одному знаменателю. Полное равенство. Необходимо лишь необходимое—вотъ девизъ земного шара отсель».

Нигилизмъ, революціонность молодого поколѣнія—это ничто иное, какъ накопльшіяся долгое время въ народномъ организмѣ и, наконецъ, прорвавшіяся язвы и миазмы русской исторіи; это евангельскіе бѣсы, вселившіеся въ стадо свиней и повлекшіе ихъ къ гибели...

Въ «Бѣсахъ» есть мѣста, иногда цѣлыя страницы, полныя такой мелкой злобы, такого явно-несправедливаго отношенія къ изображаемымъ лицамъ, что ихъ непріятно и тяжело читать. Такія страницы, выходятъ далеко за предѣлы полемическаго раздраженія или партій-

ныхъ выпадовъ, въ нихъ кипитъ сатанинское издѣвательство, злобная клевета на все молодое, рвущееся впередъ, жаждущее свободы...

И на ряду съ этимъ—проникающая страницы романа глубокая душевная скорбь, страстное исканіе Бога, жажда приближенія къ нему. Боль о томъ, что попирается либералами дорогая для Достоевскаго идея русской народности, что они ушли отъ Бога и хотятъ и народъ отвести отъ Него. Достоевскій мечталъ о пересозданіи всей русской жизни, во всѣхъ ея слояхъ, при помощи Бога, при помощи религиозной идеи. Въ его глазахъ русскій народъ былъ народомъ «богоносцемъ» и со всей присущей ему страстностью онъ негодовалъ, ненавидѣлъ тѣхъ, кто, по его мнѣнію, тащилъ этотъ избранный народъ Новаго Завѣта по западно-европейскимъ ложнымъ путямъ...

Мысль—чуждая почти всему русскому обществу, сдѣлавшая романъ непонятнымъ и неприятнымъ для большинства. И еще неприятнѣе онъ кажется, потому что его трудно читать и трудно понимать. Нервный, порой изстуженный, «апокалипсическій» языкъ, быстрота, съ которой развертываются и слѣдуютъ одно за другимъ событія, загадочность и неясность дѣйствующихъ лицъ—все это совершенно не способствовало популярности «Бѣсовъ». «Бѣсы»—самый непопулярный и нелюбимый романъ Достоевскаго. Въ глазахъ большинства это—вредная, злобная, клеветническая книга.

И страннымъ показалось многимъ желаніе Художественнаго театра инсценировать «Бѣсовъ». Еще задолго до перваго представленія вокругъ постановки загорѣлись споры; русское общество раздѣлилось на два лагеря. Одни возмущались и протестовали. Горькій, выступилъ въ «Русскомъ Словѣ» съ горячо-написаннымъ письмомъ, гдѣ доказывалъ возможность вреднаго вліянія «Бѣсовъ» на усталое и растерянное русское общество.

Горькому возражали. Большая часть возраженій сводилась къ тому, что ничто истинно-художественное, а таковымъ, конечно, является романъ Достоевскаго, не можетъ быть вреднымъ. Какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, никто никого не убѣдилъ. Не убѣдила никого и самая постановка. Какъ и до нея, многіе возмущались, находили, что инсценировкой «Бѣсовъ» руководители театра бросили вызовъ прогрессивной части русскаго общества.

Мы не будемъ касаться этого надобнаго всѣмъ вопроса. Насъ въ инсценировкахъ интересуеть другое; мы считаемъ, что инсценировка того или иного произведенія допустима только тогда, когда она передаетъ его во всей его полнотѣ, не искажаетъ его главнаго замысла, его философіи.

Удовлетворяетъ ли этимъ требованіямъ инсценировка «Бѣсовъ»? Мы, безусловно, находимъ, что нѣтъ.

Изъ романа взяты отдѣльныя главы, иногда отрывки изъ разныхъ главъ; все полемическое, философское, кромѣ двухъ-трехъ тирадъ

Петра Верховенскаго и разговора Шатова и Ставрогина о народѣ-богоносцѣ выброшено.

Лишенные созданной для нихъ авторомъ обстановки, всѣ дѣйствующія лица потеряли типичность и приобрѣли характеръ чего-то случайнаго. Безъ Липутина и Люмшина, безъ Виргинскихъ и Эркеля Петръ Верховенскій непонятенъ, не цѣленъ. Урѣзанъ мастерски обрисованный старый идеалистъ Степанъ Трофимовичъ Верховенскій; неясенъ Шатовъ, совершенно выброшенъ Кирилловъ, одна изъ наиболѣ яркихъ фигуръ романа, своеобразный богоискатель, предшественникъ философскихъ теорій Нитше.

Трагедія «Бѣсовъ», собственно говоря, настоящихъ героев романа—вся свелась къ личной трагедіи одного изъ нихъ, самаго главнаго и страшнаго—Николая Ставрогина. Центръ тяжести перенесся на личные отношенія его къ окружающимъ: Ставрогинъ—Лиза; Ставрогинъ—Хромоножка и т. д. Словомъ, отъ «Бѣсовъ» осталось только нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, только нѣсколько отдѣльныхъ сценъ. Это чувствовалъ и художественный театръ, назвавшій свою постановку не «Бѣсами», а «Николаемъ Ставрогинымъ».

Какъ инсценировка «Николай Ставрогина» не удовлетворителенъ. Нѣтъ цѣльнаго законченнаго впечатлѣнія, исчезла глубина и многокрасочность романа. Но поставленъ хорошо. Прекрасны декорации; типичны, за нѣкоторыми исключеніями, дѣйствующія лица. Артисты сумѣли создать изъ нихъ яркіе, выпуклые образы; вполне воплотили замыслы Достоевскаго. Ставрогинъ, отецъ и сынъ Верховенскіе, Хромоножка, Лебядкинъ, Шатовъ,—все это подлинный Достоевскій. На долго запечатлѣвается въ памяти жуткая улыбка Ставрогина, этого живого мертвеца съ опустошенной душой, губящаго все, что къ нему прикасается, и все-таки притягивающаго всѣхъ къ себѣ; изступленный бредъ и подлая суетливость его «обезьяны» Петра Верховенскаго; тяжелая фигура придавленнаго идеей Шатова; пьяный и трусливый Лебядкинъ...

Первая картина «Николая Ставрогина»—сцена у собора, первая встрѣча Варвары Петровны Ставрогиной съ хромою Лебядкиной. По роману эта глава уже начало развязки: уже чувствуется связанная съ Лебядкиной тайна, нарастаетъ напряженное состояніе Лизы и Ставрогиной, что-то чувствующихъ, о чемъ-то догадывающихся. Къ сожалѣнію, Художественный театръ недостаточно ярко выявилъ тревожное напряженіе, въ которомъ живутъ герои «Бѣсовъ». Сцены ведутся въ недостаточно быстромъ и лихорадочномъ темпѣ и отъ этого замедленія теряютъ въ яркости и силѣ. Этотъ недостатокъ замѣтенъ уже въ первой картинѣ; въ остальномъ она великолѣпна.

Превосходны декорации—паперть собора и кусокъ площади около него. Густо стоитъ въ церкви, видная изъ-за стеклянныхъ дверей, толпа.

Звонъ колоколовъ. Солнце. У стѣны собора—нищіе, дѣти, монашка, собирающая на церковь, ливрейные лакеи съ накидками барынь на рукахъ, чины полиціи. Входитъ, оглядываясь, Марья Тимофеевна (г-жа Лилина) съ цвѣткомъ въ волосахъ съ жалкой, кокетливой улыбкой; проходитъ, прихрамывая, въ церковь. Ее любопытно оглядываютъ, женщины отшатываются. Служба кончилась: среди выходящей изъ церкви публики Варвара Петровна Ставрогина (г-жа Бутова). Къ ней подходитъ Хромоножка и во время разговора съ ней въ умѣ Ставрогиной мелькаетъ страшная догадка. Подозрѣваетъ что-то и появившаяся на паперти Лиза. Занавѣсъ закрывается послѣ вырвавшихся у Варвары Петровны словъ: «Какъ! вы хромаете!»

Вторая картина!— въ гостиной у Варвары Петровны. Красныя стѣны: картины и портреты въ золотыхъ рамахъ; красивыя пятна разставленныхъ вездѣ цвѣтовъ. Это наиболѣе интересная сцена всего спектакля, какъ по сгущенности драматическихъ переживаній, такъ и потому, что въ ней появляются всѣ дѣйствующія лица.

Очень хорошъ въ этой сценѣ г-нъ Стаховичъ—Степанъ Трофимовичъ Верховенскій—старый мечтатель, безпомощный и растерянный, совершенно безвольный передъ властной и порывистой Варварой Петровной. Онъ и смѣшной и трогательный со своими длинными, съдыми кудрями и странной рѣчью, густо пересыпанной французскими словами. Поразительно яркое и выпуклое воплощеніе замысла Достоевскаго! и дѣлается досадно, что г-нъ Стаховичъ появляется только въ одной этой картинѣ.

Такъ же хороша, какъ и въ первой сценѣ, г-жа Лилина: это все тотъ же яркій образъ помѣшанной, считающей себя счастливой и важной дамой, не замѣчающей ничего вокругъ, такъ погружена она въ свои собственные переживанія. Все тотъ же внезапный громкій смѣхъ, отъ котораго морозъ подираетъ по кожѣ, тѣ же широко-открытые остановившіеся глаза.

Яркую фигуру даетъ г-нъ Грибунинъ: его капитанъ Лебядкинъ, пьяный и многорѣчивый, являеть собой удивительное смѣшеніе наглости и трусливой робости...

Путанно и сбивчиво Лебядкинъ намекаетъ на отношенія, существующія между его сестрой и Ставрогинимъ. Лиза и Варвара Петровна слушаютъ тревожно. Надвигается что-то страшное. Появленіе Верховенскаго и вскорѣ, вслѣдъ за нимъ, Николая Ставрогина разряжаетъ напряженную атмосферу.

Трудно представить себѣ лучшее сценическое воплощеніе Петра Верховенскаго, чѣмъ то, которое даетъ г-нъ Берсеневъ. Онъ вошелъ мелкими частыми шагами, суетясь и волнуясь, и заговорилъ быстро, сыпя слова, «какъ ровныя, крупныя зернышки, всегда подобранныя и всегда готовыя къ вашимъ услугамъ». Онъ вился между людьми, какъ холодная, быстрая ящерица, успѣвая сразу отвѣчать

на всё вопросы, какъ будто бы простодушный и словоохотливый. Но, несмотря на комичную суетливость и кажущееся добродушіе, въ немъ все время чувствуется что-то безпокойно-зловѣщее, какая-то ползучая, хищная сила. Изъ всѣхъ «Бѣсовъ» онъ самый одержимый; въ немъ что-то вѣчно кипитъ, безъ конца зарождаются сатанинскіе разрушительные планы; кажется, что онъ ни одной минуты не можетъ пребыть спокойно.

Полная противоположность Верховенскому — Ставрогинъ (Качаловъ). Онъ ходитъ, какъ автоматъ, какъ неживой. Взглядъ его глазъ вдумчивъ и разсѣянъ, какъ у человѣка, слишкомъ погруженнаго въ свои мысли; на губахъ его появляется иногда красивая, вѣжливая, тоже неживая, улыбка. Обыкновенно улыбка освѣщаетъ всякое, даже некрасивое, лицо; на лицѣ Ставрогина она кажется жуткой и бездушной. Онъ спокоенъ и полонъ самообладанія: все окружающее идетъ мимо него, не волнуя и не задѣвая. Его не покидаетъ самообладаніе даже и тогда, когда разыгрывается скандалъ между нимъ и Шатовымъ.

Шатовъ вдругъ поднялся со стула, подошелъ вплотную къ Ставрогину и нѣсколько секундъ не спускалъ глазъ съ его лица. «Вдругъ размахнулся своей длинной, тяжелой рукой и изо всей силы ударилъ его по щекѣ». Ставрогинъ схватилъ Шатова обѣими руками за плечи, потомъ медленно, какъ-то размѣренно, отвелъ ихъ и скрестилъ за спиной.

Въ слѣдующій моментъ между Шатовымъ и Ставрогинымъ разыгрывается безмолвная внутренняя борьба. Они долго смотрятъ другъ другу въ глаза. Шатовъ опустилъ ихъ первый и медленно, какъ-то особенно неуклюже, согнувшись, точно у него на плечахъ громадная тяжесть, вышелъ изъ комнаты.

Г-нъ Качаловъ прекрасно играетъ Ставрогина: въ немъ есть и обаятельная красота этого страннаго человѣка и его невѣроятное самообладаніе и громадная, подчиняющая всѣхъ себѣ, сила. И если Ставрогинъ все же не является передъ зрителемъ цѣльной и законченной фигурой, въ этомъ вина не артиста. Ставрогинъ и въ романѣ кажется загадочнымъ, странно и смутно написаннымъ. Только выискивая во всё мельчайшія детали его изображенія, сопоставляя между собой отдѣльные, разбросанные по всему роману штрихи, можно понять его. Въ инсценировкѣ эти штрихи и детали, конечно, исчезаютъ.

Кончается вторая картина истерикой Лизы, дающей выходъ напряженному состоянію.

Въ дальнѣйшихъ картинахъ яркое и сильное впечатлѣніе производитъ сцена Ставрогина съ Марьей Тимофеевной.

Она не узнаетъ больше въ Ставрогинѣ своего мужа, «мой князь не такой, тотъ былъ ясный соколъ, а ты сычъ...» Ставрогинъ взбѣшенъ, готовъ убить ее тутъ же на мѣстѣ, въ это время въголовѣ

его твердо укрѣпился планъ такъ или иначе отдѣлаться отъ нея. Неимоვნю жуткое впечатлѣніе оставляютъ крики и вопли Лебядкиной, бессмысленныя слова въ родѣ «Гришка Отрепьевъ—анафема», «Самозванецъ» и дикій хохоть, которымъ она выгоняетъ Ставрогина.

Седьмая картина—балъ устроенный губернаторшей Лембке. Красивыя декораціи: бѣлый залъ съ колоннами, много свѣта, яркія красочныя пятна дамскихъ нарядовъ. Скучающія фигуры гостей, подъ шумокъ злорадствующихъ, что балъ не удался. Во всемъ чувствуется томленіе, ожиданіе какой-то надвигающейся неминуемой бѣды.

Въ этой сценѣ, кадрили литературы—мелкій, злобный выпадъ противъ «Честной русской мысли», противъ эмансипированныхъ женщинъ и т. п., оставляющій послѣ себя непріятный, точно липкій, осадокъ. Во время «кадрилей» начинается сумбуръ, недовольный ропотъ гостей, начальническіе окрики губернатора фонъ Лембке. И сначала тихо, потомъ все громче и громче передаются тревожныя слухи объ увозѣ Лизы Ставрогинимъ. Волненіе усиливается, когда кто-то вбѣжавшій кричить, что горитъ Зарѣчье. Подбѣгаютъ въ испугѣ къ окнамъ, поднимаютъ занавѣски: въ стеклахъ отражается кроваво-красный отсвѣтъ зари.

Слѣдующая картина—въ Скворещникахъ утромъ, послѣ пожара и послѣ ночи, проведенной Лизой у Ставрогина. Сѣроватыя стѣны комнаты, мутный утренній свѣтъ, пробивающійся въ окно, около котораго стоитъ въ свѣтло-зеленомъ праздничномъ платьѣ Лиза. Вся обстановка полна тоскливаго безпросвѣтнаго унынія, гармонируетъ съ ужаснымъ, придавленнымъ состояніемъ Лизы. Въ эту ночь она поставила на карту все, всю жизнь свою разочла на одно мгновеніе, но ждала, что это мгновеніе будетъ ослѣпительно, незабываемо ярко.

«Фантастическая» и гордая, она думала найти въ Ставрогинѣ воплощеніе своей мечты, героя блестящей «вольной ладьи», поваго Стеньку Разина, какъ рисовалъ ей его Верховенскій, и нашла живого мертвеца, человѣка съ опустошенной, до-тла выженной душой; вмѣсто обольстительно красиваго и сильнаго демона встрѣтила «маленькаго, гаденькаго, золотушнаго бѣсенка съ насморкомъ изъ неудавшихся...»

Г-жа Коренева, играющая Лизу, ведетъ эту сцену прекрасно, но созданный ею образъ—не Лиза Достоевскаго. Въ немъ слишкомъ много безпомощности, длительного надрыва, надломленности. Лиза, въ горящемъ взглядѣ темныхъ глазъ которой сказывалось какое-то могущество, страстная и порывистая, иначе должна была пережить свою трагедію. Она каждымъ своимъ беспощадно-жестокимъ словомъ мститъ Ставрогину, оскорбляетъ его. Въ ней нѣтъ ничего жалкаго и слабого...

Въ 9-ой картинѣ Лиза, узнавшая отъ Верховенскаго объ убійствѣ Лебядкиныхъ, бѣжитъ изъ Скворещниковъ.

Поле, разсвѣтъ дождливаго дня, мутный, точно дрожащій свѣтъ. На переднемъ планѣ черной силуэтъ большого съ сухими лапчатыми вѣтвями дерева. Лиза въ смертельной тревогѣ, предчувствуя уже свою смерть, ища ее бессознательно, бѣжитъ въ Зарѣчье, взглянуть на убитую Лебядкину.

Погубившая Лизу: ночь пожара доканала и Ставрогина: еще болѣе пусто и холодно стало у него на душѣ. Онъ самъ вмѣстѣ съ другими увидѣлъ себя «старой, дырявой, дрянной баркой на сломѣ». Сначала онъ рѣшилъ бѣжать въ Швейцарію въ уединенное, угрюмое горное мѣстечко; потомъ раздумалъ и убилъ себя. Убилъ, какъ и жилъ, холодно, разсудочно, безъ взрывовъ отчаянія, безъ сожалѣній о комъ или о чемъ-нибудь. Такъ представляется, что, тщательно приготавливая все къ самоубійству, онъ улыбался своей обычной, скучающей, чуть-чуть брезгливой улыбкой...

Послѣдняя картина «Николая Ставрогина» опять въ Скворешникахъ. Узнавшія о прїѣздѣ сюда Ставрогина, предчувствующія недоброе разыскиваютъ его Даша и Варвара Петровна. Сцена долгое время пуста, голоса слышны издали, изъ-за кулисъ. Потомъ проходятъ Даша и Варвара Петровна въ сопровожденіи прислуги, идутъ дальше. Нѣкоторые остаются на сценѣ, молчатъ, только изрѣдка обмѣниваясь отрывочными словами. Кто-то высказываетъ предположеніе, не въ свѣтлѣ ли наверху Ставрогинъ. Варвара Петровна возмущенно вскрикиваетъ «что за вздоръ...» и порывисто, какъ молодая, бросается вверхъ по лѣстницѣ. За ней Даша. Оставшіеся молчатъ. Минута громаднаго, достигающаго высшихъ предѣловъ, напряженія. Раздавшійся сверху женскій крикъ ослабляетъ его—натянутые нервы ждали чего-то болѣе страшнаго...

Когда читаешь романъ цѣликомъ — впечатлѣніе, оставляемое имъ, не такъ угнетающе. Мучительныя по своей злобѣ главы искупаются такими свѣтлыми страницами, какъ изображеніе Кириллова, играющаго съ дѣвочкой въ мячъ, какъ его мечта о томъ, что бы себя принести въ жертву грядущему новому, прекрасному человѣку, какъ встрѣча Шатова съ женой послѣ ея возвращенія...

Въ инсценировкѣ этого нѣтъ, и когда закрывается послѣдній разъ занавѣсъ—въ душѣ смутное и раздвоенное чувство, такъ непохожее на то, съ которымъ обычно уходятъ изъ Художественнаго театра. Нѣтъ привычнаго, большого и цѣльнаго впечатлѣнія, которое оставляютъ его постановки, легкія и радостныя или безусловно грустныя—безразлично. Что-то вошло въ душу раздражающее и ненужное, отъ чего хочется отмахнуться, какъ отъ дурного назойливаго сна...

Когда появились письма Горькаго, протестующія противъ поста-

новки «Бѣсовъ» трудно было соглашаться съ ними, хотѣлось доказывать ихъ неправоту. Они казались посягательствомъ на свободу творчества артистовъ, одностороннимъ пристрастнымъ пониманіемъ Достоевскаго.

Но теперь, послѣ спектакля, хотя и исходя изъ другихъ соображеній, соглашаешься съ Горькимъ: ставить «Николая Ставрогина» не стоило. Инсценировать «Бѣсовъ» такъ, какъ сдѣлалъ это Художественный театръ—значило сузить и нѣсколько исказить романъ. А иначе инсценировать, очевидно, не было возможно...

Б. Вольскій.